

ЗИНАИДА ГИППИУС

Живые лица

ПАЛМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г50

Предисловие М. Кореновой

Гиппиус З.

Г50 Живые лица / Зинаида Гиппиус ; [предисл. М. Кореновой]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 271 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-07396-9

«Живые лица» — серия портретов современников, созданных Зинаидой Гиппиус, видной поэтессой, писательницей и литературным критиком Серебряного века. Шесть очерков-воспоминаний были написаны в 1925 году, после эмиграции Гиппиус в Париж. Это важное свидетельство литературного процесса Серебряного века, который создавался не только известными писателями, «живыми лицами», но и толстыми литературными журналами, религиозно-философскими собраниями, встречами, вечерами...

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07396-9

© Коренева М. Ю., предисловие, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Она могла бы, наверное, остаться просто женой Мережковского, с которым ее свела судьба, когда они были еще совсем молодыми. Его славы, и литературной, и общественной, с лихвой хватило бы на двоих, чтобы сохраниться в памяти современников и войти в историю культуры того смутно-мутного времени рубежа веков, в отзвуки которого мы вслушиваемся по сей день. Но она предпочла другой путь. Путь, который она прошла не как госпожа Мережковская, но как Зинаида Гиппиус. Поэт. Писатель. Критик.

Наверное, ей было немного страшно, когда она, двадцатилетняя, в 1889 году вместе с молодым супругом приехала в Петербург — город-кладбище, по которому бродят величественные тени Пушкина, Гоголя, Достоевского, город-молох, такой маняще-соблазнительный и такой жестокий, город, в котором легко затеряться, раствориться, сгинуть среди тысяч таких же «невинно-наивных» душ, спасающихся в поэтических садах, где пышно цветут «розы-грезы-мимозы». Поначалу она только присматривается, постепенно погружаясь в литературную жизнь столицы, а в Петербурге тех лет было куда пойти — знаменитые «пятницы» Я. Полонского, вечера Литературного фонда, заседания в многочисленных литературных кружках и обществах. Именно здесь завязываются литературные знакомства, важные и в каком-то смысле полезные. Полезные не потому, что это открывало путь в толстые журналы, попасть в которые было не так-то уж и легко: могли взять, могли и прогнать, как знала она по

опыту «литературных хождений» Мережковского. Полезные потому, что со всею ясностью показали ей — это не то, и все не о том. Пройдет немного времени, и со страниц «Северного вестника», журна- нала, программным лозунгом которого ее новый ре- дактор Аким Вольтинский сделал «переход от пози- тивизма к идеализму», она заговорит о «своем» — о душевном разладе человека, измученного безвери- ем, о страхе перед смертью и страхе перед жизнью, о Боге... Именно тогда будут произнесены те глав- ные слова, которые обозначат изменение обще- го вектора движения новой русской литературы — не по горизонтали, а по вертикали, от «Я» — к «Идее», «Идеалу», «Слову», «Абсолюту», к Богу. И у истоков этого «поворота» стояла она, Зи- наида Гиппиус, не заметить которую было тогда просто нельзя — слишком дерзко заявляла она о себе, слишком громко прозвучало ее «Люблю я себя, как Бога...», слишком рьяно включилась она в борь- бу. «Вся поэзия Гиппиус /.../, напишет позднее М. Шагинян, — есть как бы запись борьбы — за- ключенных в душу человеческую — рабьей и сынов- ней миро- и самоосознанности» («О блаженстве имущего»). Ее имя то и дело мелькает на стра- ницах литературных журналов, старых и новых, она выпускает сборники своих стихов, прозу, пи- шет пьесы, выступает как литературный критик, язвительный, зачастую злой, но неизменно яркий и умный — качества, высоко ценившиеся как ее поклонниками, так и противниками. А тех и дру- гих у нее в жизни было немало и тогда, когда она жила еще в Петербурге, где провела почти трид- цать лет и сумела занять свое, совершенно особое место, и потом, в эмиграции, где она продолжала оставаться в центре литературной жизни, пусть в каком-то смысле замкнутой, но от того не менее интенсивной. И объяснялось это не только и не столько ее литературным дарованием, но скорее

особенностями ее личности, к которой более всего подходит эпитет «творческая» в прямом значении этого слова. Ибо она из породы творцов, зачинателей, «продуцирующих», а не «поглощающих» идеи. Она не просто участник литературного процесса («одна из...»), она сама формирует его — как инициатор знаменитых Религиозно-философских собраний, «пропустивших» через себя всю «новую русскую литературу», как фактический соредактор журнала «Новый путь», выделявшийся на общем фоне «толстых» журналов с их традиционной литературно-критической «солянкой» своей последовательной сосредоточенностью на «главном» — на религиозно-философских вопросах, под знаком которых проходила значительная часть литературной жизни того времени, и, наконец, просто как признанный «мэтр», дом которой в 1900—1910 годах был главным петербургским салоном, притягивавшим к себе внимание всей «литературной общественности» и вызывавшим немало толков. Обойти этот дом было нельзя. Здесь были все — В. Розанов, Н. Минский, Д. Filosoфов, А. Бенуа, Ф. Сологуб, Н. Бердяев, Э. Венгерова, А. Блок, А. Белый и, и, и... — можно взять любой именной указатель к истории русской литературы рубежа веков и прочитать его как список гостей четы Мережковских. Одни приходили на правах «соратников», «собратьев», другие — представляться, «на поклон», третьи — из любопытства, посмотреть на знаменитую «декадентскую мадонну», «сатанессу», «ведьму», «сильфиду», «живую легенду», автором которой была она сама, так любившая играть все эти «роли». Ни одни мемуары, посвященные этой эпохе, не обходятся без нее, этой женщины, поражавшей своей необычной красотой и своими странными манерами. Ее знаменитая лорнетка, которая бесцеремонно пускалась в ход, особенно если «жертвой» был новичок, стала

настоящей притчей во языцех. Из книги в книгу кочует одна и та же сцена, в сотне дублей, словно само время решилось снять о ней картину: вот Гиппиус, откинувшись в свободной позе, подносит свой лорнет и пристально разглядывает новое лицо. Молчание. Пауза. И вдруг: «А знаете, я ведь читала Ваш рассказ...» — и снова пауза, и оторопь «героя» — что будет дальше?.. В этом, конечно, была игра. Но почему-то кажется, что это была игра искренняя. Что она действительно читала все. И ей действительно было интересно всматриваться в эти лица. Живые лица, о которых она будет вспоминать, уехав из России навсегда. И наверное, в них, в этих вечных ее «совопросниках» и «антагонистах», союзниках и оппонентах, заключалось для нее что-то очень существенное и важное, если она, отнюдь еще не обделенная литературным и общественным вниманием (это все будет много позже — и медленное превращение из «декадентской мадонны» в «злую старуху» с «тяжелой душой», и ссоры с собратьями по цеху, долгие годы усердно посещавшими ее «литературные воскресенья» в Париже и заседания организованного ею общества «Зеленая лампа», и холодное отчуждение писательской среды как реакция на странную позицию, занятую четой Мережковских в отношении фашистов, и — пронзительное одиночество после смерти мужа, памятью которого она живет все последние годы до самой своей кончины, последовавшей в 1945 году), — если она, все еще задающая тон в эмигрантской среде, все же берется за перо и погружается в минувшее, которое для нее никогда не станет прошедшим, ибо в ее памяти все пережитое существует только в одном грамматическом времени — в настоящем продолженном, в *present continius tens*.

Марина Коренева

ЖИВЫЕ ЛИЦА

